

Анастасия Хачатурова

Побег

Птенец

Марк нашёл на заднем дворе школы воробьёнка. Птенец лежал на земле, скрытый высокой травой, и тихонечко пищал. Именно по писку Марк, у которого был лучший слух в классе, его и обнаружил.

— Смотрите, — прибежал он радостный перед геометрией. — У меня теперь есть свой питомец.

Ребята тут же окружили Марка и стали засыпать его вопросами:

— А как ты назовёшь его?

— А чем кормить будешь?

— Боже, какой миленький!..

— А он большой вырастет?

Я стоял поодаль и подходить не хотел.

— Эй, Ванёк, иди сюда, — махал мне Марк. — Прикольно, да?

— Нет, не прикольно, — сказал я тихо. — Ты зачем его взял?

— Как зачем? Он там один лежал. Я о нём забочиться буду.

— Не один. Он из гнезда выпал. А значит, и мама его где-то рядом была, найти его теперь не может.

— И что?

— Надо его обратно отнести.

— Вот ты зануда, Ванёк, — отмахнулся Марк.

Я строго на него посмотрел. А так как мы с первого класса лучшие друзья, он тут же добавил:

— Отнесу-отнесу. Урок закончится, и сделаю. Ничего с ним за час не случится.

Но случилось. Всю геометрию ребята никак не могли успокоиться: перешёптывались и всё поглядывали на нашу заднюю парту. Марк сиял от удовольствия: столько внимания — и только ему. И ещё по какому делу: не за глупые шутки или ругательства, а за доброе дело! Сначала Маша, сидевшая перед нами, попросила подержать птенца, а Люба, её соседка, конечно, тоже захотела. Они гладили его и хихикали, а потом передали вперёд. Марк лишь одобрительно кивал: мол, разрешаю вам поиграть с моим личным воробьём. Птенец пошёл по классу. Стараясь скрыть его от учителя, дети передавали птицу под партой, а вот Мишка решил, что кинуть будет быстрее. Ну и как обычно, не докинул. Воробьишка упал на потёртый линолеум совсем беззвучно, как пёрышко. Все замерли. Марк вдруг очнулся

от нахлынувшей на него популярности, глянул на пол, но было уже поздно. Птенец не шевелился.

Геометрия прошла как-то незаметно. В конце урока Марк быстро забрал воробья с пола, сунул его в карман и выскользнул из класса. Я нашёл его на заднем дворе у школьного дуба. Он сидел на земле, держа перед собой птенчика, и беззвучно плакал. Никогда я не видел, чтобы Марк плакал. Я сел рядом. Тонкие пёрышки воробья мерно дрожали на ветру. Маленький серый комочек лежал на раскрытых ладонях моего друга, и я вдруг подумал, что он уже никогда не станет свободной взрослой птицей.

Палками мы вырыли небольшую яму у дуба и похоронили птенца, положив рядом плоский камень.

Потом мы с Марком шли вместе домой.

— Как думаешь, Вань, что будет с нами, когда мы умрём?

— Не знаю, — ответил я. — Наверно, нас похоронят.

— Нет. Я не про это. Тела-то зароят, а мы? Мы останемся?

— В смысле — души наши?

— Ну, души. Мысли, чувства, разговоры наши, всё, что в нас есть сейчас, исчезнет, что ли? Навсегда?

Я промолчал. Ответа я не знал, да и думать об этом всегда боялся. А Марк продолжил:

— Я не рассказывал тебе, но у меня сестра была. Она умерла совсем маленькая. Мама говорит, болела сильно, что-то с сердцем. Я её уже и не помню, она всё время в больнице лежала. А мне тоже тогда только три было, меня с бабушкой оставили, на похороны не взяли.

Марк шёл, вывела ноги, уставившись в пол. Лица его я не видел, но по голосу было понятно, что он снова вот-вот заплачет:

— Как думаешь, смерть — это пустота? Я, когда думаю о ней, только темноту вижу, чёрную дыру такую, которая всех пожирает и ничего совсем не оставляет, — тут он посмотрел мне прямо в глаза.

— Когда у нас бабушка умерла, мама сказала, что смерть — как рождение. Вот ты появился однажды на свет — и однажды умрёшь. И то,

и то — обычное дело, с каждым такое происходит. Ну и чего тогда этого бояться?

— А я вот темноты боюсь...

— Ну, может, там и не темнота вовсе. Узнаешь, когда умрёшь. А сейчас какой смысл трястись?

— Ты что, совсем не боишься?

— Смерти? Боюсь, конечно. Думаю, умирать больно. Но ведь это нескоро будет. Мы с тобой до ста проживём. И дружить всё это время будем.

Марк этой фразе сильно обрадовался и как-то даже повеселел. Порывшись в карманах, мы наскребли сто рублей и купили себе сладкую булку в палатке.

Ярко светило солнце, мы сняли пиджаки и не спеша шли домой, болтая о новых телефонах и наборах «Лего». На улице была весна, на губах — клубничное варенье, а рядом со мной — мой лучший друг.

Побег

Борис сидит в клетке один. Статный, коренастый, с хитринкой в глазах. Мимо проходишь — обязательно замрёт, выпрямится и взгляд сделает такой милый-премилый, даже жалостливый. Сразу хочется подойти и прислонить руку к решётке, погладить его светлые лохмы.

— А почему без соседа? — Саша оглядывает другие клетки: в основном сидят по двое, совсем редко — по трое. — Агрессивный?

— Борька? Да он щенок... в теле медведя, — улыбается волонтер в жёлтой кепке. Отодвигает засов и приоткрывает дверь на пару сантиметров, — Уже умеешь сажать на поводок? Давай. И пойдём.

Саша бочком приближается к появившейся щели и протискивает внутрь сначала правую ногу, за ней правое плечо, потом голову — так, чтобы между телом и дверью не оставалось зазора. Волонтер придерживает решётку снаружи: вдруг Борис вздумает ломануться на свободу? Он всё-таки пёс, пусть и добрый. Вон, даже руку Саше лизнул. Но инстинкты сильнее любви.

Боря в приюте недавно. Он еще не успел соскучиться по человеческому вниманию — не лает и не носится кругами, как другие дворняги перед прогулкой. Сидит смиренно, машет хвостом. Всем своим видом показывает: удовольствие не терпит суеты.

Саша опускается перед Борей на корточки и минут пять прощупывает длиннющий ошейник, утопающий в густой шерсти. После смерти папы пару месяцев назад ей стало трудно общаться с людьми, а вот с собаками получается. Они тёплые не только снаружи, но и внутри.

— Такой спокойный! — Саша наконец находит пальцами металлическое кольцо.

— Ага, — хмыкает жёлтая кепка и закрывает засов на двери: щёлк.

«Интересно, это ещё зачем?» — думает Саша и застёгивает карабин на поводке. Щёлк. И тут в Боре тоже вдруг что-то щёлкает: он одним прыжком валит девушку на пол, горячим языком облизывает нос, а затем хватается поводок языковыми зубами и рывком вытягивает его из Сашиных рук. С добычей в пасти он, довольный, садится у двери.

— Хочет сам себя выгуливать, — смеётся волонтер, приоткрывает дверь и уверенной рукой лишает пса ведущей роли. — Только кто ж ему разрешит? С Борей нужен глаз да глаз. По-хорошему, чем больше глаз, тем лучше.

По дороге к лесу двое подростков и мохнатый пёс и шагу не могут ступить без селфи. Воскресенье в приюте — день новеньких. Толпы накрашенных студенток в белых кроссовках мнутя на окраине, боясь ступить на грязные лесные тропинки. Они разжимают свои тщательно припудренные носы, только когда направляют на себя фронтальные камеры.

— Ну, раз уж приехали помогать... — удручённо вздыхает Кир и выходит из кадра, продолжая крепко сжимать в руке поводок.

Саша стоит в сторонке и любителю псом.

У Бориса в роду точно были лабрадоры. А спокойный нрав и ласковый взгляд превращают его в глазах молодых девчонок в большую мягкую игрушку. Гигантского плюшевого медвежонка. Ну и как тут не зарыться щекой в лоснящуюся шерстку? А потом ещё и подписать под фото: «Этому красавцу в приюте не место!»

— Только у него всё равно мало шансов, — ускоряет шаг Кир, чтобы поскорее уже миновать толпу блогеров и зайти в лес. Помимо жёлтой кепки, у него оказалось ещё и солнечное имя. — Берут обычно мелких, короткошёрстных и... молодых.

А Боре, по оценкам волонтеров, около пяти. Собака в самом расцвете сил. Это видно и по поводку, который пёс тянет так, что у Кира краснеют костяшки пальцев на руках. А ещё Боря явно жил в семье любящей, раз людей не боится. Но теперь вот в приюте: может, салюта испугался и убежал, а хозяева всё найти не могут. А может, хозяев уже и нет. Никто точно не знает. У многих собак в приюте туманное прошлое. Как и будущее.

— Ладно, тут в глубине «туристов» не бывает, так что на, vedi. Только держи крепче, ладно? В Борьке килограммов пятьдесят. Побольше, чем в тебе, — ненароком делает Кир Саше комплимент и, отводя глаза, вручает поводок.

А дальше Саша помнит лишь холод грязи на ладонях и подбородке. А ещё — как что-то склизкое и чёрное расплзается в её животе. Подняв голову из лужи, она видит, как Боря скрывается за плотно сплетёнными рядами сосен и берёз, а поводок за ним отскакивает от кочек и летит, словно воздушный змей.

Ночью Саша не может заснуть. Гудят ноги. Они с Киrom три часа прочёсывали лес в поисках беглеца. А когда стемнело, ещё долго клеили объявления на столбах и досках, пока совсем не замерзли.

— Не бойсь, найдём! Не впервой, уже все службы оповестили. У меня тоже сбегали... — пытается воодушевить Сашу на прощание Кир у её подъезда, забирая обратно свою джинсовку из рук девушки. — А бывает, они сами возвращаются к приюту, когда понимают, что там-то их кормили. И не обижали...

Саша разом вспоминает истории других своих подопечных: Лору хозяин воспитывал ремнём, Степана сутками держали на цепи, а Добрыню, рождённого в строительной трубе около дачного посёлка, в один миг лишили матери, братьев и сестёр. Застрелили. А если и Боря встретит таких людей?

Промучавшись несколько часов в полузабытьи и липком поту, Саша резко садится в кровати от звука сообщения на телефоне. Сколько времени — непонятно, но свет уже включать не надо: на экране надпись — «Солнечный Кир».

«Готовься к худшему», — буквы больно колот глаза. Шашино непроснувшееся тело окончательно превращается в кисель. Всё повторяется, так же ей сообщили о смерти папы. В трясущихся руках телефон незаметно вибрирует ещё раз.

«Боря... в Подольске! Едем за ним».

Саша быстро набирает номер. «За сто километров от приюта? Просто сидел у шоссе? В порядке? Ох, мамочки... Но как?»

За окном вдруг резко включают пение птиц. Саше нестерпимо хочется кофе, желудок напоеминает, что уже сутки не получал никакой пищи. Сквозь незашторенные окна проходит первый луч солнца.

Оказалось, что Борис выбрался к трассе и оставил фуру. Своим милым взглядом, наверное. И так доехал с дальнбойщиком до пригорода Подольска, а там выскочил из кабины, пока водитель пошёл на заправку, чтобы купить псу поесть. Звонок в службу отлова поступил в три часа ночи. К завтраку Боря уже был в приюте.

Две следующие недели Саша не приезжает к собакам из-за экзаменов.

— Пойдём к Боре, — первым делом говорит она Киру у входа и бежит к нужному ряду под оглушающий лай засидевшихся дворняг.

Но клетка стоит пустая. Склизкая чёрная жижа уже привычно заполняет Сашин живот и подбегается к горлу.

— Не сбежал, — догоняет её раскрасневшийся Кир. — Забрали. Статус «домашний»! Снова.

Он неуклюже берёт Сашу за руку, а та оборачивается и крепко его обнимает. Жёлтая кепка надёжно закрывает её шею от ветра.